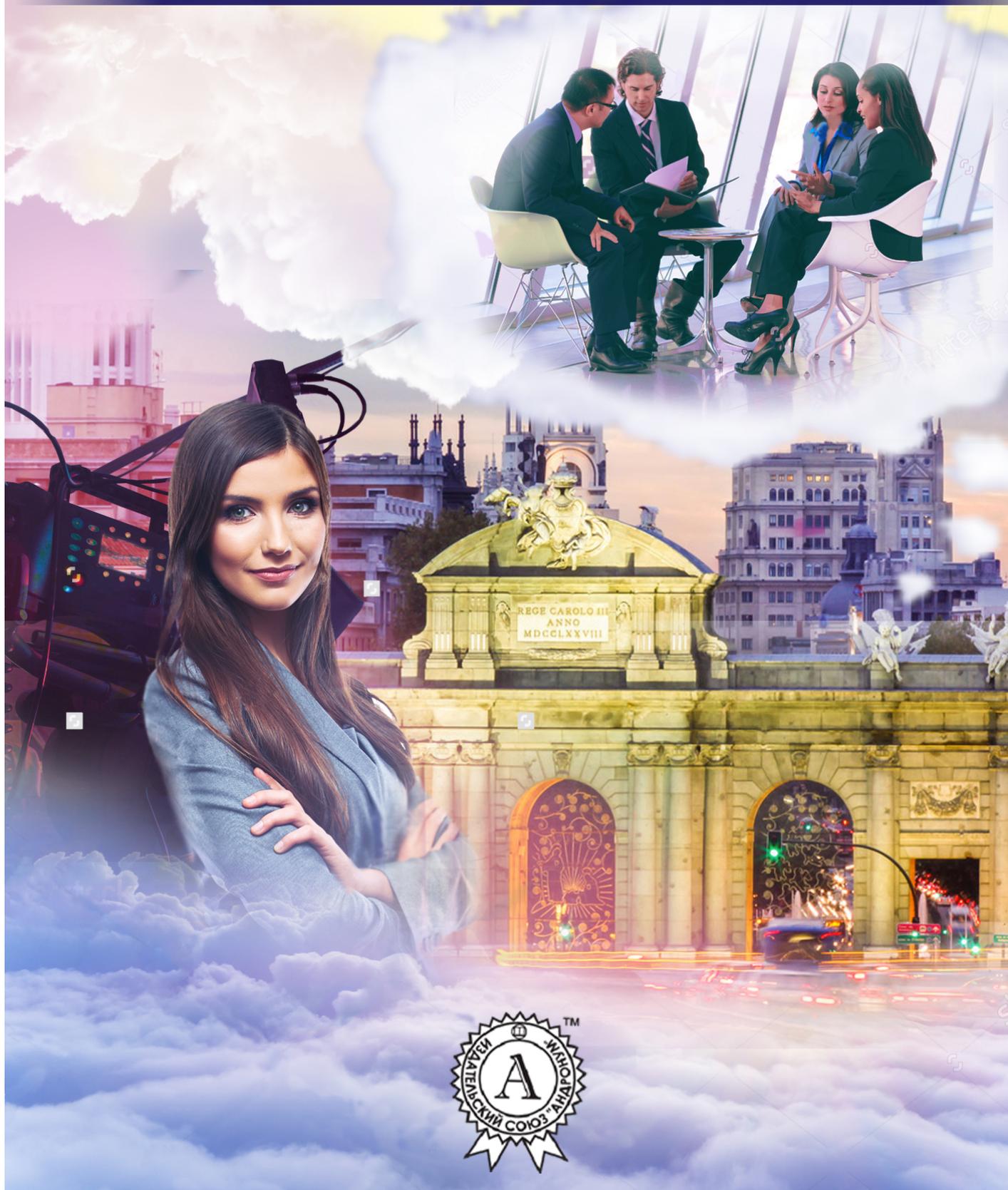

Александр Эльберт

ТАКОВА ШПИОНСКАЯ
ЖИЗНЬ

Александр Эльберт

Такова шпионская жизнь

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Эльберт А.

Такова шпионская жизнь / А. Эльберт — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Перед вами детективный роман. Иронический - шпионы есть, любовь есть, шпионажа нет. "Действующие лица - молодые ребята и девушки, ведущие абсолютно светский образ жизни. Веселые, современные, привлекательные. И всё им в этой внешней жизни дозволено, кроме наркотиков. Разумеется, это шпионы, агенты, только не Моссада, а чего-то подобного, но с другим названием. И название, и страну надо будет придумать. Так же, как Фолкнер придумал, населил, очеловечил Йокнапатофу. Одну из таких агентов (агентш?), молодую и очень красивую женщину, посылают на ответственное и очень опасное задание. Инструктирует ее молодой красавец – начальник и гражданский муж, т.е. бойфренд. Ей дозволяется всё, кроме перехода за некоторую запретную черту, о которой сказано только: «Сама знаешь, о чем я...»

© Эльберт А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	9
3	11
4	13
5	15
6	17
7	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Эльберт

Такова шпионская жизнь

Всё, что можешь вообразить – реально.

Пабло Пикассо

Логика приведет вас из пункта А в пункт В. Воображение – куда угодно.

Альберт Эйнштейн

Даже туда, куда тебе очень хочется; причем в первую очередь.

А. А. Э.

Часть первая

1

Приснился мне странный сон. Очень четкий и логичный, но непонятный. Я проснулся в недоумении: о чем это? А потом заснул и сон продолжился все так же четко и логично, в том же первоначально заданном направлении. Так не бывает, но так было. Ночью я не сразу понял, что мне показывают пародию на «экшн» с элементами современной истории, политики и приемчиками боевиков и детективов. Можно сказать, что это были отдельные не связанные между собой сцены кинофильма, которые в моей голове постепенно выстраивали движущийся непрерывным потоком роман – сатиру – пародию (?) на те немногие факты деятельности израильских спецслужб, которые доступны рядовому гражданину. Почему израильских – а почему бы и нет? Ведь был же Джеймс Бонд на секретной службе Её Величества и никто не обиделся. Впрочем, об этом надо будет подумать.

Действующие лица – молодые ребята и девушки, ведущие абсолютно открытый светский образ жизни. Веселые, современные, привлекательные. И всё им в этой внешней жизни дозволено, кроме наркотиков. Разумеется, это шпионы, агенты, только не Моссада, а чего-то подобного, но с другим названием. И название, и страну надо будет придумать. Так же, как Фолкнер придумал, населил, очеловечил Йокнапатофу.

Одну из таких агентов (агентш?), молодую и очень красивую женщину, посылают на ответственное и очень опасное задание. Инструктирует ее молодой красавец – начальник и гражданский муж, т. е. бойфренд. Ей дозволяется всё, кроме перехода за некоторую запретную черту, о которой сказано только: «Сама знаешь, о чем я... Но решать тебе, и очень быстро... Не ошибись... И не испугни его... Всегда помни: честь – честью, совесть – совестью, а дело все равно надо сделать. А не то сама знаешь, что будет. Кстати, не забудь получить разрешение в управлении этики и эстетики на свободное питание, бытовую вседозволенность и вероисповедание по необходимости. И не забывай при случае обо мне, а то сама знаешь, что будет.» В процессе разговора выясняется, что сам красавец бойфренд провалился на последнем задании и поэтому резко пошел на повышение.

Все «агенты» – красавицы и красавцы с точки зрения будущего зрителя (простите – читателя) и в то же время люди неприметной внешности, которые очень стараются не выделяться в толпе. И это у них, конечно, не получается. Именно потому, что они очень стараются. Одни – улыбчивые, легко входят в контакт и знакомятся, но трудно выходят из контакта; чувство юмора весьма относительное, простоватое. Очень хороши на роль души компании. Другие улыбаются только при крайней необходимости, трудно (а так и надо!) сходятся с людьми, но зато спокойно расстаются, в том числе со смертельным исходом; понятное дело, это относится не к агенту, а к тому, с кем было трудно сойтись. У этих агентов замечательное чувство юмора и способность улыбнуться в самый неподходящий момент, с риском для собственной жизни, но к месту, потому что самый неподходящий момент и есть *тот самый момент*.

Но ведь агенты – это шпионы. А если спецслужбы и шпионы, то это не детектив, а шпионский роман. Впрочем, название и жанр пока не имеют никакого значения, да и поменять их проще простого. Хотя само сочетание «шпионский роман» – замечательное, потому что оставляет лазейки во все стороны. Раз «шпионский» – экшн, политика, современная история. А «роман» – любовь, ревность и все такое прочее.

Ерунда получается! Нет изюминки. Буду ждать сигнала свыше, т. е. следующего сновидения.

* * *

Воображение приведет меня куда угодно. Даже туда, куда я хочу.

А.Э.

Всё, что ты можешь вообразить – реально.

Пикассо

А сновидение?

А.Э.

В следующем сновидении те же агенты настолько посерели, или наоборот – похорошели до стандартов штампованного фильма или шпионского романа, что растворились в толпе и среди агентов противной, «вражеской» стороны. И хотя так и было задумано, не только смотреть и читать, но и писать о них стало неинтересно. И тогда я стал повнимательнее рассматривать противную сторону, и увидел, что сновидение завело меня в тупик, причем совершенно умышленно: «вражеские» агенты оказались очень милыми, высоко образованными, обаятельными парнями и девушками. Но как только мне такая расстановка сил и развитие событий начали нравиться, внутренний голос принялся зудить: «Ты ошибся. У тебя закружилась голова и ты потерял ориентировку. Смотри внимательнее, где наши, где ваши и где третья сторона». Я стал смотреть внимательнее, и довольно скоро понял: третья сторона – это и «наши», и «ваши», которые охотятся на вальяжного дорогостоящего актера, играющего роль подсадной утки, и его глупенькую любовницу-блондинку в исполнении доселе неизвестной красавицы-мулатки. Причем «наши» и «ваши» поначалу абсолютно незнакомы и «знакомятся», узнают друг друга очень постепенно, в процессе соревновательной охоты и длинной серии взаимных ошибок и случайностей. А глупенькая черная блондинка в теневой стороне фильма, когда её никто, кроме зрителя (читателя) не видит и не слышит, превращается в шпиона (раньше в России это слово применялось только по отношению к врагам, «контре» и имело обидный, уничижительный оттенок. Положительный герой, такой как Штирлиц, мог быть только разведчиком или контрразведчиком). А чуть позднее выясняется, что она – тайный, особо ценный агент аналога Моссада, имя которому всё ещё не родилось, выполняющий опасное, сверхсекретное задание. Причем это задание было согласовано, сформулировано и будет выдано этому тайному агенту (т. е. агентше) принципиально новым для международного шпионажа способом. Если коротко: составные части, стыкующиеся фрагменты будут предоставлены красавице мулатке: «нашими» и «вашими»; дорогостоящим актером, который уверен, что он – руководитель международной шпионской сети (которую Моссад создал из игроков второго плана для отвода глаз – супермаскировка!); шпионом высшей категории, о котором ничего не известно кроме того, что он работает сам по себе, на свой страх и риск и на свои деньги (волк-одиночка, который так пытается заглушить боль от безответной любви к... к кому, будет, может быть, ясно ближе к концу фильма и/или книги – по иронической традиции Бондианы). А веревочку, которая соединяет все фрагменты в единую цепь, должен подарить глупенькой блондинке фотограф знаменитого глянцевого журнала, безуспешно уговаривающий ее позировать легко одетой. Блондинке не разрешает «папа» – дорогостоящий актер. А фотографу только этого и надо. Он, тайный талантливый игрок со стороны Моссада, получает таким образом возможность общаться с мулаткой, которая во избежание «как бы чего не вышло» узнает о всех путях и способах получения и отправки в «центр» – что бы это могло быть? – информации только в самом конце, отдыхая в соответствии с традицией Бондианы в объятиях... (Я и сам ещё не знаю его имени.)

«Наши» – боевое звено «Моссада», созданное для прикрытия мулатки, но первоначально не знающее этого. «Ваши» – аналогичное подразделение дружественной «Моссаду» команды,

созданное для прикрытия «наших». Дорогостоящий актер – самовлюбленный дилетант, которого «наши» и «ваши» водят вокруг пальца, обеспечивая мулатке свободу маневрирования; но актер действительно очень хороший. Волк-одиночка знает всё, кроме того, что ему не положено знать. Иначе нельзя: его роль очень важна, но конечная цель превыше всего. Фотограф настолько талантлив, что ему и не надо ничего знать. А черная блондинка, спросите вы? Она знает совсем немного, но зато будет знать самое главное: конечную цель, сроки и место проведения операции – всё это ей сообщат, когда придет время действовать. Причем сама она активно работает только в самом начале – подготовка будущей операции, о которой пока ничего не известно, и в самом конце – молниеносная и желательна успешная операция. Всё остальное время она любовница дорогостоящего актера и её главная и единственная цель в это «нерабочее» время – жить в свое удовольствие, но быть готовой к действию в любой момент.

* * *

Напоминаю, что мой «Моссад» – никакого отношения к реальному Моссаду не имеет! Может быть, «Масъад»? Надо подумать.

2

Недели две мне ничего не снилось, или я не запоминал. Были «передачи» на другую, не интересующую меня тему, и я начал уже забывать эту детективную, простите – шпионскую историю. Но в одну прекрасную, тихую и очень паркую майскую ночь я вдруг оказался в небольшой европейской стране, где снимали высокобюджетный клубничный фильм о трудностях светской жизни на постсоветском пространстве. Шел затяжной дождь и съемки на целую неделю отменили. Дорогостоящий актер, которого в разное время, в разных странах и в разном обществе звали то Пьер, то дон Педро, то Пинхас – хотя мама, которая была еще жива, звала его Педрунчик, как в далеком детстве – маялся в нерешительности. Поправить здоровье в недалеких Карловых Варах? Проведать в Мадриде старенькую маму, которую он не видел два года? Хотя самое приятное и привычное – слетать вдвоем с красавицей мулаткой куда-нибудь... Педрунчик задумался и тряхнул головой: надо ей позвонить... Где она сейчас?

На этом сон прервался. Хорошо зная отвратительную способность любого, даже самого яркого сна моментально улечиваться, я встал, бормоча себе под нос: «Ну, Педрунчик. Что ж тут такого. Не хуже, чем Пинхас в рязанской деревне... И где эта красавица может быть?... И что мой старичок делать будет, если не найдет её?...» – записал на клочке бумаги увиденное и услышанное, вернулся в постель и получил за прилежание подарок: мне показали продолжение. Вернее не продолжение, а то, что уже было неделю назад.

Появились «наши». Их трое. Лидирует моложавая тридцатилетняя Лола Шук, приветливая, но не улыбочивая. Все среднее – и рост, и фигура, а цвет волос и глаз – какой надо, такой и будет. Одежда – по внешним обстоятельствам, но всегда в соответствии с профессиональными шпионскими требованиями. При ней два помощника, каждый из которых уже бывал и ещё будет лидером. Один – постоянно улыбающийся, но не приветливый, сероволосый некрашенный тумбоподобный интеллигент лет сорока. Другой – высокий, очень худой, жгучий брюнет с голубыми глазами; совсем мальчик, на вид лет... Да нет, не мальчик... Ну да, мальчик... Очень интересно: молчит – мальчик, говорит – 30 лет, не меньше, улыбнулся, наклонился к Лоле – опять мальчик... Старшего зовут Дани, младшего – Дуду. Все имена не настоящие, но надо же их как-то различать. Вылетая, «наши» понятия не имели, куда и зачем они летят, и только сейчас, прибыв на место работы, узнали, что их задача – интеллигентными методами без насилия и так, чтобы она об этом даже не догадывалась, обеспечить Мерилин – так зовут мулатку – свободу передвижения, независимость от внешних обстоятельств, в том числе от обязанностей любовницы дона Педро. Начальству, сидящему в далеком Центре, давно известно, что актер искренне считает себя великим шпионом, получает «трудные» задания, мучается над их выполнением, встречается с «связными» и «руководством». Он работает один, только один, всегда успешно и всегда абсолютно безопасно прежде всего для него самого. Потому что он очень хороший актер, «национальное достояние», а его странное хобби пока никому не мешает. В конце концов, шпионаж – прекрасный поставщик адреналина, в котором так нуждается уже не молодая знаменитость. А внушить актеру уверенность в том, что он руководит большой международной организацией, для разведки масштабов Моссада – плевое дело. Потому что «связные» и «руководители» – опытные профессионалы, которым ничего не стоит обвести вокруг пальца необученного любителя. Другое дело – черная блондинка, которая должна оставаться вне подозрений. Ей ещё работать и работать, и она нужна именно как любовница знаменитого актера. Это обеспечивает ей алиби и дает возможность вращаться в элитных кругах, среди политиков и бизнесменов, а не только среди простых людей искусства. Причем Мерилин прекрасно знает, что, зачем и для кого она делает, но ничего не знает о «шпионской» жизни актера, искренне его любит и не хочет потерять. Чудесная пара: шпион и шпионка, любящие

друг друга, но ничего друг о друге не знающие. В интимной обстановке Мерилин зовет его Пико, а он её – Мирка.

Ну вот! Я проснулся и не увидел продолжения. А мне страсть как захотелось узнать, почему это Мерилин не знает, не должна ничего знать о «наших»? Зачем дополнительные сложности в и без того непростой работе разведчиков? Ничего не поделаешь, придется ждать следующего сеанса или придумывать самому.

* * *

Не может быть; не может быть никогда! Но все равно иногда случается. Именно в этом объяснение! Провала не может быть, не должно быть! И никаких «всё равно». Именно для этого Мерилин изолируется от «наших» и «ваших» – о них речь впереди, от дорогостоящего актера – разумеется, не в любовно-бытовом, а шпионском понимании: меньше знаешь – лучше спишь. И все её контакты обеспечивает фотограф, который хотя в самой операции пока не участвует и пока ничего о ней не знает и не должен знать, при малейшей необходимости связывает узлы и восстанавливает разорванные связи. Он – единственный, кто не просто знает, но хорошо знает и лично знаком почти со всеми участниками операции. Это вовсе не означает, что сами участники тоже лично знают его. В порядке исключения – как знаменитого профессионала-фотографа, а не как тщательно законспирированного агента – ? – я так и не придумал имени этой контрразведке и не прописал ее в какой-нибудь стране.

* * *

Остались две неопределенности: «ваши» и волк-одиночка. С первыми, как мне сегодня кажется, проще – это команда, аналогичная «нашим». Надо только придумать страну исхода, а задачи этой маленькой группы определятся по ходу операции. Хотя главная задача, обеспечение безопасности «наших», уже была озвучена ранее, сновидения на эту тему пока не было. Значит – всё возможно. Лично я, для того чтобы было веселее и эротичнее, влюбил бы лидера «ваших» в Лолу Шук, лидера «наших». Да ещё заставил бы их нарушить какие-нибудь «основные правила поведения шпиона» во имя любви и рождения маленьких шпиончиков.

А вот волк-одиночка – это проблема. Он что, смерти ищет? Просто выброса адреналина ему маловато? Или он влюблен настолько безнадежно, что сам не знает, в какую пропасть броситься? А лет ему сколько и что он делает или умеет делать в повседневной жизни, когда он не шпионит? Если он «сам – по – себе», то как он решает, на чьей ему быть стороне? Или ему не все равно и он всегда на одной и той же стороне? А деньги, и немалые, откуда берутся?

Ах, насколько легче было бы и жить, и писать, если можно было бы заказывать сны, как книги в библиотеке, и заносить их в каталог памяти! Разумеется, я говорю о моих собственных снах и моей личной памяти. Мне чужого не надо.

3

«Наши» уточнили, узнали в Центре, что Мерилин пока свободна и может делать всё, что хочет. К вечеру того же дня выяснилось, что актер вылетел в Мадрид в маме, а утром в нему присоединится мулатка. Следующим рейсом в Мадрид вслед за актером отправился Дани. Через день, когда он впервые увидел на улице Мадрида маму Педрунчика под руку с Мерилин, его, опытного, далеко не юного контрразведчика, много повидавшего, побывавшего в переделках и перестрелках, как будто током ударило. Журнальные фотографии, которые он видел, не передавали чарующей красоты живой женщины. Мулатка была чудо как хороша, особенно рядом с крепкой невысокой старухой с белоснежной головой и гордой осанкой уверенной в себе испанки. По правде сказать, Мерилин выделялась в любом окружении. Среднего роста, с очень тонкой талией, неширокими плечами и дразнящими плотными бедрами, она заставляла прохожих останавливаться и оборачиваться ей вслед. Блондинка с короткими волнистыми волосами, не очень тёмной кожей и замечательно красивым лицом эфиопской еврейки, она хорошо знала себе цену Но, будучи шпионкой, прошедшей полный курс обучения, вела себя как простушка со средним образованием, которой выпала удача стать любовницей знаменитого актера. Женщины почти не разговаривали: испанский Мерилин был не идеален, а мама Педрунчика, и в молодости молчаливая, в старости без необходимости рот не открывала. Но смотреть на них было приятно, и холостой Дани чисто по-мужски и позавидовал Пико и посочувствовал ему – он понял, почему мулатку одолевают фотографы. А потом удивленно покачал головой: «Что привело ее в контрразведку? И как она с такой внешностью работает? Она же в любом обществе будет выделяться. Или именно на этом всё построено? Беречь её надо, беречь.»

Мирка сама предложила Пико встретиться в Мадриде и заодно проведать его маму. Пико сразу согласился. Уже в самолете он понял, как утомила его работа с нелюбимым режиссером-перфекционистом, который ругался из-за каждой мелочи и делал бесконечное количество дублей, причем почти всегда первый оказывался лучшим. В Мадриде Пико не выходил из родительского дома, много читал, мало двигался и любил. Днем – маму, ночью – свою красавицу. Это всех троих устраивало, особенно маму, которая когда-то была чрезвычайно любвеобильна, а сейчас просто молодела, глядя на «детей». Неделя пролетела быстро, Педрунчику надо было возвращаться – дожди прекратились. Вечером накануне отъезда мама вдруг сказала, глядя на своего единственного сына: «Голубчик, а ведь у тебя, насколько я знаю, до сих пор нет детей» – и, не дожидаясь ответа, повернулась к Мерилин: «Роди мне внука. И поскорее, я уже немолода и мне трудно ждать». Мерилин закрыла глаза, подумала всё, что хотела, но не могла сказать вслух, поцеловала старушку в седую голову и сказала, улыбаясь, то, что могла: «А если будет внучка, придется подождать следующего раза». Старушка вытерла платочком глаза и погрозила сыну пальцем: «Ты не стоишь ее мизинца, мой мальчик.»

* * *

Одинокий волк отнюдь не случайно был в то же время в Мадриде. Увидев на улице Дани, делающего вид, что он не знает и знать не желает Мерилин, одинокий волк с редким именем Вольф обернулся вслед мулатке, как и большинство мужчин всех возрастов, и усмехнулся. Пару лет назад он тайно помог Дани выкрутиться из очень запутанной истории. Тогда Дани действовал предельно хладнокровно и профессионально. А сейчас он вел себя как мальчишка, который увидел Елену Прекрасную, но не хочет себе в этом признаться. Вольф сразу понял, зачем Дани в Мадриде, пожалел его и позавидовал ему. А потом подумал то же, что и Дани, хотя Дани, судя по его реакции, первый раз видел живую Мерилин, а Вольф больше года наблюдал за ней, с замиранием сердца ожидая невозможного по его положению волка-одиночки личного

знакомства: «Как такая красавица может быть шпионом? Не дай Бог, если с ней что-нибудь случится.»

* * *

Перечитал последние абзацы и задумался, стал копаться в собственной памяти: я это сам придумал, или увидел во сне? С одной стороны всё логично, концы с концами пока сходятся. С другой стороны – очень уж это всё прыгает с места на место, скачет по времени вперед – назад. И зачем у одного человека столько разных имен, даже если он актер, шпион и любовник в одном лице?

4

Ну, наконец-то! Мне показали «контору» и заседание Центра, на котором Высокие Руководители решали вопрос о сроках проведения операции. Мне этот сон не понравился, поэтому излагаю только самое главное, без чего не обойтись. Сразу с великим сожалением скажу, что начало, первая половина сна, потеряна и я до сих пор не знаю, о какой операции идет речь, потому что цели были окончательно определены до перерыва, а после перерыва решались практические вопросы. Единственное важное с моей точки зрения решение состояло в том, что лучший способ изолировать актера, чтобы он по незнанию не врубился в активную часть операции – дать ему, «шпиону»-любителю, параллельное по времени «особо ответственное задание», отрядив ему в помощники «наших», а в противники – «ваших». Меня очень смутил преклонный возраст большинства Руководителей и непрерывные воспоминания о прошлых победах и поражениях. Победы, конечно, свои, а вот поражения... Это напомнило мне два высказывания Черчиля: «Время – плохой союзник» и «Генералы всегда готовятся к прошлой войне». Нет, я понимаю, они все заслуженные люди, некоторые из них еще полны энергии и желания работать, а некоторые из некоторых... Господи, куда меня несет?! Бедные некоторые... А может быть я неправ и думать надо медленно и спокойно, чтобы потом работать быстро и спокойно?

Была, правда, в этом довольно длинном сне мелкая подробность, на которую я сначала не обратил внимания: несколько раз за время заседания в кабинет без предупреждения и приглашения входили совсем молодые мальчики и девочки, с кем-то из Высоких Руководителей шептались и выходили так же спокойно, как за минуту до того вошли. А один раз открылась дверь, вошла немолодая небрежно одетая женщина, громко сказала: «Янек вернулся!» – и улыбнулась сквозь слезы. Руководители вскочили, а один из них подошел к женщине и обнял её.

Утром я проснулся и подумал: спасибо, что не забыли про меня и показываете мне что-то интересное и последовательно связанное. А потом кое-что вспомнил и даже удивился и порадовался: мои фантазии достаточно логично укладываются в общее русло развития событий. Вот только цель дайте мне, цель! И сроки проведения операции. Стоп! А если я упрощаю и существуют параллельные потоки, и цель – не единственная, и кроме известных мне шпионов работают еще несколько, и «контора» Моссадовского типа работает с ЦРУ? Не американским, разумеется, а, например, той страны, где сейчас снимается Педрунич? Ну что же, поживем – посним, посним – увидим. А пока самое время вводить в бой... простите, оговорился, – в действие «ваших». Это приглашенная команда профессионалов из дружественной страны, жизненно заинтересованной в успехе операции.

Не правда ли, забавно: они, действующие лица, «ваши» – знают, что за операция планируется, а я, автор – до сих пор ничего знаю.

В команде 5 человек: две милovidные женщины, скорее девушки лет 23–24 и трое мужчин среднего возраста. Их больше, чем «наших», потому что они выполняют два параллельных задания: игра с актером в «особо ответственное задание» и обеспечение безопасности «наших». По предварительному плану двое мужчин работают только с актером, не вступая в непосредственный контакт с «нашими», а лидер и две женщины прикрывают «наших». У женщин – это первое серьезное задание после трех лет подготовки. Мужчины, которые будут работать с актером, семейные и они уже давно обещали женам «бросить». Но не могут, разведка затягивает и не отпускает. Курить бросить легче. Лидеру 35 лет. Крестьянский сын, даже школу не окончил – надо было работать, помогать родителям вырастить семерых младших сестер и братьев. В разведку попал случайно. В соседней избе прятались бежавшие заключенные. Генрих, так зовут лидера, по собственной инициативе пошел в них «в гости» с бутылкой сливовицы и после 12-часовой попойки уговорил их сдать. Был ему тогда 21 год и он ни до того, ни после не брал в рот спиртного. Отказался от награды и денег, но согласился пойти

учиться «на шпиона». Выучился, начал работать. Он высокий, темно русый, пружинисто ловкий и «светлый». У него открытый, спокойный взгляд, негромкий басовитый голос и простая правильная крестьянская речь. Потрясающее даже для шпиона хладнокровие не помогает ему в общении с женщинами в обыденной жизни. Из-за чрезмерной стеснительности и непрерывной занятости «шпионажем» он в свои 35 лет все еще холостяк, хотя его крестьянская натура тянется к семье и детям.

5

И «наши» и «ваши» маются от безделья. Иногда старательно изображают праздношатающихся, а это непросто, потому что фильм, в котором главную роль играет Педрунчик, снимают в небольшом городке в центре Европы, не слишком привлекательном для туристов. Но сидеть целый день в гостинице скучно и утомительно. Лола Шук и Додик иногда вдвоем, иногда порознь гуляют по чистенькому ничем не знаменитому городу, читают в городском парке, заходят в немногочисленные кафе. Изображать влюбленных или семейную пару им даже в голову не приходит, такие они разные и «непарные». «Вашим» немного проще – их трое. И труднее, потому что очень уж Генрих своеобразен: огромные руки потомственного крестьянина и спокойный изучающий взгляд человека, которому интересно жить на этом свете. Он некрасивый, но это его украшает. Звучит странно? Поясню: некрасивый и невысокий Лев Толстой иногда представляется мне прекрасным сказочным богатырем.

По условиям игры, а шпионские игры – самые интересные на свете, Генрих знает Лолу и Додика в лицо, а они ничего о «ваших» не знают и не должны были бы знать. Но многоопытной Лоле Шук достаточно было пару раз увидеть Генриха, чтобы насторожиться и призадуматься:

– Додик! Возьми меня под руку и наклонись ко мне, да понежнее. Ты что, меня не любишь?

– Что случилось, Лола, дорогая?

– Посмотри на того крестьянского философа.

– У которого руки как лопаты...

– А глаза говорят: «я тебя знаю, но не вижу».

– Да я уже давно обратил на него внимание.

– Именно, Додик, именно! Я его третий раз за пару дней вижу.

– Лола, дорогая! Можно я тебя обниму? Так правдоподобнее будет. Давай подумаем. Нас тут никто не знает и никому мы тут не нужны. Ты замечательная женщина, но не красавица с журнальной обложки...

– Додик! Какой комплимент!

– А я – тростинка на ветру...

– Которую этот крестьянин...

– Н-да... Одним пальцем... любим... А теперь по делу: городок-то маленький. Может быть и случайность.

– Вот именно – очень маленький город и случайность маловероятна. Возьми меня под руку, пойдем потихоньку вперед и сядем вон на ту серенькую скамейку в тенёчке.

Генрих понял, улыбнулся: «Молодцы! С такими интереснее работать. Скоро всё узнают, но пока мы не знакомы,» – и спокойно пошел своей дорогой, протонародно глядя по сторонам. Лола и Додик сели на скамейку, больше не обнимаются, разговаривают. Генрих неторопливо прошел мимо них и удивился: «Тоненький мальчик – совсем не мальчик. Они – не любовники. А Лола... Лола...» – Генрих вздохнул и не продолжил свою мысль. А хотел он подумать: «Мне нравится».

– Прошел мимо, посмотрел на нас; скорее на тебя, Лола. И сейчас идет, не прячась, останавливается, смотрит по сторонам... Повернул направо, не оборачивается...

Лола спросила: – Дани когда прилетает, первым утренним? Попросим его глянуть со стороны... Странное предчувствие, не могу понять: то ли он видит, но не знает, то ли...

– Ты ему понравилась, Лола. И он всё понял про нас...

– Что мы вовсе не влюбленные, ты это хочешь сказать?

– Да. Ты ему понравилась, он обязательно появится...

– Пойдем выпьем кофе. Сама не знаю, почему насторожилась. Мы еще не начали работать, ничего еще не сделали, и врагов у нас тут нет, и задание нейтральное и несложное.

Через 20 минут Лола Шук и Додик спокойно пили кофе в крохотном кафе, а за соседним столиком две милостивые девушки, лет на пять-семь моложе Лолы, прилебывали какао и о чем-то балабонили на каком-то славянском языке.

6

Актер и Дани летели из Мадрида одним рейсом. Пико не выглядел отдохнувшим. Он тяжело плюхнулся в кресло, пристегнулся и закрыл глаза. Отказался от еды и только пил минералку. Дани его не интересовал. «Одним больше, одним меньше – пусть делают, что хотят; когда их много, они только мешают друг другу... Умница, мама! Мне тоже хотелось бы выйти из игры, родить мальчика и девочку, перестать мотаться по свету и дергаться, как паяц на ниточках, в этом шумном, хвастливом, примитивном кинобизнесе...» Он приоткрыл глаза, увидел нарочито инертного Дани, идущего по проходу, закрыл глаза и улыбнулся: «Пусть делают, что хотят. И *она* пусть думает, что я ничего не знаю. Мне уже сорок пять, сыграю с ними последнюю партию и уйду на покой. Всё брошу, и кино тоже, напишу мемуары... Нет, лучше шпионский роман... Немножко, конечно, жалко. Веселая игра. Да и Мирке придется рассказать... Или не надо? Пожалуй, не надо. Напишу роман... или все-таки – мемуары... Так это же почти одно и то же, и придумывать ничего не надо. Чем проще и правдивее, тем меньше вероятности, что поверят... Посплю, пожалуй. Как прилечу, сразу съемки, потом эти развеселые моссадовские игры, а ведь ещё... Стоп! Об этом даже думать не смей!» – дорогостоящий актер рассмеялся совсем по-детски, заснул, как по команде, и проспал до приземления. Выйдя из сравнительно небольшого аэропорта, он нарочито усталой походкой пошел к стоянке такси. Дани никто не встречал и он довольно быстро испарился. Зато появились два среднего возраста крепыша, явно из другой команды, чем Дани. Пико присел на скамейку «завязать шнурки» и неторопливо огляделся. Крепыши разделились: один из них сел в микролитражку, которая почему-то стояла в ряду такси, второй сделал вид, что безуспешно что-то ищет. Потом сделал вид «наконец-то нашел» и бодрым шагом направился к мусорному бачку недалеко от скамейки, где Пико завязывал шнурки, и что-то выбросил. Пико перешел на другую сторону и жестом пригласил таксиста. Тот понял, развернул свой мерседес, подъехал. Пико очень медленно для постороннего глаза, но на самом деле достаточно быстро – всё-таки актер – сел в машину. А когда такси отъехало метров на 50, Пико вдруг сделал жест «забыл!» Машина остановилась, Пико немного повозился в багажнике, поднял голову и открыто рассмеялся – а чего ему бояться! – второй крепыш только что захлопнул дверь микролитражки, машина круто развернулась и теперь пришлось ехать вперед. Пико вернулся в такси и сказал шоферу «гони!» Спустя несколько минут уже на автобанае актер посмотрел назад. Ну конечно, «погоня»: крепыши прыгали и скакали на автомобильчике, не рассчитанном на такую езду. Пико посмотрел на часы, ахнул и попросил: «Нельзя ли побыстрее?» Высокий молчаливый шофер с огромными крестьянскими руками молча кивнул головой и прибавил. Микролитражка испарилась.

7

– А куда ты торопишься? – спросила мама дона Педро Мерилин. – Оставайся, поживи недельку-другую у меня, погуляй по Мадриду. Не надо тащиться за Педрунчиком. Ему там, на съемках, будет не до тебя. Да ещё с этим ненормальным, с этим фанатиком, с этой знаменитостью. Хотя фильмы он хорошие делает... Оставайся, порадуй меня!

Мерилин задумалась, но ненадолго. У неё была уже давно назначена фотосессия. Чем, однако, Мадрид хуже давно надоевшей студии? Она позвонила фотографу – тому самому – и сказала, что не может прилететь к нему.

– Тогда я прилечу к тебе, красавица моя. Ты где?

– Я в Мадриде и пробуду тут дней десять, не меньше.

– Сможешь подарить мне несколько часов?

– Три дня, не больше.

Фотограф засмеялся: – Царский подарок. Лечу.

– Рони! Не забудь мои условия: никаких раздеваний и никаких помощников, только ты и я.

– Всё как всегда, моя дорогая. Только ты, я и камера. А студию...

– Никаких студий – Мадрид!

– Ах, какой подарок! Я и просить об этом не решался. Бегу...

– Рони! Тебе сколько лет? Успокойся. И вот ещё что: я тебя познакомлю с мамой Пико.

Вот она – воистину красавица. Хорошо бы...

– Я всё понял, моя несравненная. И наряжусь, и губы покрашу...

– До свидания, мистер паяццо. Пойду предупрежу старушку.

В самолете фотограф заснул. Небольшой Боинг сильно трясло, он просыпался, снова задремывал, и ему снились обрывки странного сериала с участием Мирки и Пико. Сон был заболтанный и несвязный, но основную идею этого недоделанного и оборванного на полуслове сериала Рони с удивлением и недоверием понял, запомнил и сформулировал очень коротко: «Мы (т. е. актер и его возлюбленная) уходим в бессрочный семейный отпуск». В конце сна он взял камеру и закричал: «Погодите, не уходите! А как же...» – но остановился на полуслове с раскрытым ртом, подумал: «Что это я раскричался – это же не моя тайна.» – вздрогнул и проснулся. Стюардесса, наклонившись к самому его уху, просила пристегнуться, самолет шел на посадку.

Рони был суеверен. Он, так же как и я, верил, что сны – это неспроста. Но он, в отличие от меня, был профессиональный шпион. Поэтому всякое сообщение, тем более такое странное и неожиданное, всегда проверял и перепроверял. *Но он был суеверен* и никому – никогда – ничего не рассказывал и сам вел себя так, как будто ничего не случилось и он ничего не знает – вплоть до окончания проверки. До сих пор все оканчивалось благополучным вычеркиванием сна из памяти, что ничего не меняло, и всё равно каждое следующее подобное сообщение тщательно проверялось на достоверность.

Рони-фотограф искренне любил красавицу Мерилин, любил с ней работать и заранее радовался предстоящей фотосессии. Особенно потому, что Рони-шпион был на этот раз свободен и никаких указаний Центра относительно Мерилин-шпионки не получал. На другой день он позвонил, к телефону подошла мать Педрунчика, представилась и спросила:

– Вы говорите по-испански?

– Да, сеньора.

– Вот и хорошо. Мирка ненадолго вышла. Она просила вас приехать ко мне домой немножко покушать. Мы обе будем рады вас видеть. Если вам не терпится начать работать, возьмите свои аппаратики. Только в любом случае – сначала обед. Да, Рони! Никаких подарков.

– Даже цветы?

– Цветы – не подарок. Мы ждем вас.

– В котором часу... – но старая испанка уже отключилась.

Рони не удержался и кроме нескольких длинноногих алых роз принес бутылку хорошего вина. Старая испанка представилась: «Ана», – обрадовалась розам, взяла бутылку двумя пальцами за горлышко и поставила около входной двери: «Уходя, не забудьте взять с собой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.